

ТУРЕЦКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА «НЕООСМАНИЗМА»: МЕЖДУ СИМВОЛИЧЕСКИМ И РЕАЛЬНЫМ СОДЕРЖАНИЕМ

© 2021

Товсултанов Р.А.¹, Товсултанова М.Ш.², Галимова Л.Н.³

¹Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова (г. Грозный, Российская Федерация)

²Чеченский государственный педагогический университет (г. Грозный, Российская Федерация)

³Ульяновский институт гражданской авиации имени Главного маршала авиации Б.П. Бугаева
(г. Ульяновск, Российская Федерация)

Аннотация. Статья посвящена современной внешнеполитической доктрине Турецкой Республики, обычно маркируемой как неоосманизм. Ведущие политики Турции заявляли о своей приверженности к османскому наследию. Последнее также активно пропагандируется через телевизионные сериалы и исторический кинематограф. Авторами отмечается и внутривнутриполитический аспект неоосманизма, направленный на смягчение межнациональных отношений и консолидацию страны вокруг общего исторического наследия. Своего апогея неоосманский дискурс достиг в середине 2020 г. на фоне возвращения зданию Айя-София статуса мечети. Однако на основе анализа реальной политической практики турецкого руководства, не отрицая наличия в турецком политическом дискурсе неоосманизма, авторы приходят к выводу об его преимущественно символическом (декларативно-популистском) предназначении. По их мнению, нет причин противопоставлять современный политический курс турецкого руководства кемалистскому наследию, приверженность которому хотя и не манифестируется столь активно и ярко, как связь с османской традицией, но также вписано в популистский дискурс становления новой и великой Турции. У Р.Т. Эрдогана и его ближайших сподвижников широкий набор подобных символических инструментов, но в своей реальной политической практике турецкое руководство исходит из прагматических интересов своей страны, что позволяет ей сохранять и развивать отношения с различными державами, находящимися на полярно разных геополитических полюсах.

Ключевые слова: Турция; неоосманизм; Эрдоган; наследие; внешняя политика; евразийство; кемализм; символизм; ПСР; Realpolitik.

TURKISH POLITICAL DOCTRINE OF «NEO-OTTOMANISM»: BETWEEN SYMBOLIC AND REAL CONTENT

© 2021

Tovsultanov R.A.¹, Towsultanova M.Sh.², Galimova L.N.³

¹Kadyrov Chechen State University (Grozny, Russian Federation)

²Chechen State Pedagogical University (Grozny, Russian Federation)

³Ulyanovsk Institute of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation B.P. Bugaev (Ulyanovsk, Russian Federation)

Abstract. The paper is devoted to the modern foreign policy doctrine of the Turkish Republic, usually labeled as Neo-Ottomanism. Turkey's leading politicians have declared their commitment to the Ottoman heritage. The latter is also actively promoted through television series and historical cinematography. The authors also note the internal political aspect of Neo-Ottomanism, aimed at softening interethnic relations and consolidating the country around the common historical heritage. However, based on the analysis of the real political practice of the Turkish leadership, the authors come to the conclusion about its predominantly symbolic (declarative-populist) purpose without denying the presence of Neo-Ottomanism in the Turkish political discourse. In their opinion, there is no reason to oppose the current political course of the Turkish leadership to the Kemalist heritage, the adherence to which, although not manifested as actively and vividly as the connection with the Ottoman tradition, is also inscribed in the populist discourse of the emergence of a new and great Turkey. R.T. Erdogan and his closest associates have a wide range of similar symbolic instruments, but in its real political practice, the Turkish leadership proceeds from the pragmatic interests of its country, which allows it to maintain and develop relations with various powers located at different geopolitical poles.

Keywords: Turkey; Neo-Ottomanism; Erdogan; heritage; foreign policy; Eurasianism; Kemalism; symbolism; JDP; Realpolitik.

Вплоть до начала XXI в. в турецкой политической мысли доминировала идея о том, что Турция является не азиатской, а самой восточной страной в Европе, и избегалось само упоминание о том, что большая часть её территории географически находится на Ближнем Востоке [1, с. 1]. Османское прошлое политологами оценивалось либо негативно, либо попросту игнорировалось. По сути, огромный пласт турецкой османской истории был выведен за рамки общественно-политической мысли. Будущий

глава турецкого МИДа и премьер-министр страны Ахмет Давудоглу называл сложившийся порядок вещей «деисторизацией» [2, с. 59]. Именно с именем А. Давудоглу связывают зарождение стратегии неоосманизма. Действительно, будучи министром иностранных дел, в 2009 г. он в одном из своих выступлений отмечал: «Нас называют неоосманами. Да, мы и есть новые османы, мы вынуждены заниматься соседними странами и пойдем даже в Африку. Великие державы наблюдают за этим с растерянностью» [3,

с. 110]. Другой видный руководитель правящей Партии справедливости и развития (далее: ПСР), бывший президент Турции А. Гюль заявлял: «Сегодня мы не империя. Мы унитарное государство. Но мы можем действовать с имперским рефлексом и уверенностью в себе... Мы не смотрим на земли другой страны. Но мы наследники империи и не будем ограничиваться себя узкими рамками» [4].

По определению В. Аваткова, современный «неоосманизм представляет собой неофициальную внешнеполитическую доктрину Турции по расширению сферы влияния на сопредельные территории посредством «мягкой силы», за счёт экономики, гуманитарного воздействия и наднационального духа» [5, с. 74]. Олицетворением всей этой политики, бесспорно, является личность Р.Т. Эрдогана, регулярно высказывавшегося о территориях, некогда входивших в состав Османской империи, как зоне турецких интересов. Тем не менее попробуем более детально разобратся в истории идеологии неоосманизма, насколько это позволяет формат статьи.

Собственно, впервые слово «неоосманизм» прозвучало в 1974 г. на фоне высадки турецких войск на Кипре как символ возрождения имперского дискурса во внешней политике [6, р. 524]. Однако вплоть до начала 2000-х г. этот термин почти не всплывал.

Неоосманизм «нео», то есть нов не только по отношению к османскому наследию в целом, но и к конкретной османистской идее младотурок. Напомним, что для младотурок и их духовных отцов – новых османов – османизм подразумевал узы гражданства, которые подданные устанавливали с государством. Данная идея выдвигалась как альтернатива национализму малых народов, как инструмент формирования чувств «общеимперского патриотизма» или как минимум обеспечения их лояльности Османской империи [7, с. 146]. Однако, просуществовав до Первой Балканской войны (1912 г.), османизм остался, по сути, лишь преходящим вопросом момента, а не чётко определенной теоретической основой. Тем не менее её авторами он задумывался как концептуальная основа, разработанная для выхода из кризиса империи. Потерпев крах в начале XX в., османизм был обновлён и предложен в новых условиях уже начала XXI в. как идея, способная объединить не только турок, но и курдов, туркоман, черкесов, албанцев, боснийцев, лазов, арабов и другие народы вокруг общего историко-культурного наследия. Таким образом, неоосманизм обращён не только вовне, но и к внутритурецкому политическому дискурсу. Его цель при этом – снизить градус межнациональных противоречий и укрепить единство страны.

Культурное измерение концепта «неоосманизм» Дж. Эрдем обозначил термином «*ottomentality*», то есть «оттоментальность» [8, s. 719]. В сфере культуры и искусства он получил выражение в турецких фильмах «Завоевание 1453», сериалах «Возрождение: Эртугрул», «Основание: Осман» и особенно «Права на престол: Абдулхамид», идеализирующего образ одного из последних османских правителей, сделавшего ставку на идеологию панисламизма. Бесспорно, сыграл на пользу неоосманизму и жестко

критиковавшийся Р.Т. Эрдоганом за искажение образа султана Сулеймана Великолепного сериал «Великолепный век», завоевавший всемирную популярность. Анкара формирует идейно-ценностное пространство через образование, науку и культуру, а затем это пространство работает на неё. На всём протяжении правления Р.Т. Эрдогана растёт экономическое и культурное значение Стамбула, что многими расценивается как шаги к возвращению городу статуса и политической столицы страны, что также вписывается в неоосманистскую стратегию. «Оттоментальность» является инструментом выработки новой турецкой идентичности, ориентирующейся не на секулярные европейские идеи, а на политический ислам и реванш за распад великой империи. Своего символического апогея популистская политика в духе «*ottomentality*» в массовом выражении достигла в связи с повторным превращением Айя-София (храм святой Софии) в мечеть [9, с. 179].

В Западной и отечественной прессе неоосманистскому экспансионизму противопоставляется порой якобы пацифистский кемализм. При этом часто озвучивают знаменитую формулу Кемаля Ататюрка: «Мир в стране, мир во всем мире!». Отход от кемализма европейские исследователи оценивают как отказ от западных ценностей, от европейского пути развития. По мнению сербского политолога С. Трифковича, «интересы и стремления неоосманской Турции больше не совпадают с интересами Соединённых Штатов или Европы». По его словам, сегодня кемализм лишь «пустая оболочка» (*empty shell*) [10, р. 95]. Однако необходимо помнить, что в своё время и кемализм у различных политических сил имел собственное истолкование, наиболее сообразующееся с их интересами [11, с. 138–140]. Не следует забывать роль самого К. Ататюрка в аннексии Александреттского санджака подмандатной Франции Сирии. Поэтому симптоматично, что Р.Т. Эрдоган в своих публичных заявлениях обращается не только к османской имперской символике, но и к республиканскому прошлому. Так, в 2010 г. турецкий руководитель дал обещание, что к столетнему юбилею провозглашения республики (2023 г.) страна станет сильной и мощной мировой державой [12, с. 37].

Рост внешнеполитической активности Анкары естественен. За последние два десятилетия выросли население и экономика Турции. Пересмотр внешней политики Турции с Запада на Восток был во многом обусловлен многолетним отказом ей в принятии в ЕС. Потому П.В. Шлыков предпочитает более привычные термины «поворот на восток» и «евразийство» концепту «неоосманизм» [13, с. 66, 65, 75]. По данным автора, работа известного российского политолога-евразийца А.Г. Дугина «Основы геополитики» с 2003 г. переиздана 8 раз [14, с. 66].

Неоднократно озвучиваемый Р.Т. Эрдоганом лозунг «Мир больше пяти» вполне имеет право на существование [15, с. 94–95]. Более того, он совпадает с многократно озвучиваемым и российским руководством принципом многополярного мира. Однако, как и любая другая, неоосманистская доктрина не может служить оправданием активной экспансионистской

политики и аннексии чужих территорий. Не может не настораживать ближайших соседей Турции стремительный рост его ВПК, успехи которого особенно ярко были продемонстрированы во время 44-дневной II Карабахской войны осенью 2020 г.

В одном из выступлений перед депутатами Великого национального собрания Турции в октябре 2020 г. президент заявил, что Иерусалим является турецким городом, напомнив, что во времена империи он входил в её состав и до сих пор сохраняет следы османского присутствия [16, с. 84]. Близкий к правящей партии эксперт Института стратегической мысли (SDE) Бюлент Эрдандач прокомментировал активизацию внешнеполитической деятельности Р.Т. Эрдогана так: «Мы еще раз напоминаем империалистическому Западу, что являемся потомками империи, которая сделала Средиземное море турецким озером» [17].

В турецкой геополитике экономика и политика неразрывно связаны, и руководители страны чутко отслеживают все происходящие в Евразии процессы. В частности, очевидно стремление Турции «оседлать» глобальные китайские проекты «Экономический пояс Шёлковый путь» и «Морской Шёлковый путь XXI века». Потому некоторые исследователи, на наш взгляд, вполне основательно связывают импульс к изменению внутри- и внешнеполитической турецкой повестки с переформатированием глобальных процессов во всей Азии, вызванных ростом экономического и военного могущества КНР. Это признал и сам турецкий президент, опубликовавший в 2019 г. в китайской ежедневной газете Global Times статью под заголовком: «У Турции и Китая общее видение будущего» [18, с. 64].

В ближайшей перспективе турецкое правительство намеревается соединить Чёрное и Мраморное моря через Стамбульский канал. Согласно его планам, данный канал должен стать «ключевым геополитическим и геоэкономическим проектом Турции». По заявлениям Р.Т. Эрдогана и министра иностранных дел М. Чавушоглу, канал не подпадает под статьи договора Монрё о проливах. Согласно их заявлениям, через каналы будут двигаться исключительно торговые суда, а военные, как и прежде, будут использовать лишь Босфор. Однако идею канала активно поддерживает НАТО, на последнем саммите которого было заявлено о принятии до 2030 г. в военный блок таких причерноморских стран, как Украина и Грузия [19]. Неизвестно, как будут эксплуатировать канал будущие правительства Турции. Сохранят ли они верность обещаниям Р.Т. Эрдогана и М. Чавушоглу, тем более ещё не закреплённым документально.

Трудно согласиться с озвученным в 2016 г. мнением Э.Д. Эшба о полном провале стратегии неоосманизма в связи с ухудшением отношений Анкары с Москвой и её неудачами в Сирии [3, с. 114]. Тем не менее вполне вероятно, что неоосманистский дискурс может быть постепенно вытеснен каким-нибудь иным, более подходящим к новому этапу развития страны.

Развивая свои отношения с Азербайджаном и рядом стран Средней Азии, Анкара предпочитает апел-

лировать к этноязыковому родству, а не к османскому прошлому. Турецко-катарские отношения исследователи предпочитают также связывать больше с так называемым «ихванским», нежели неоосманистским проектом [20, с. 371]. Невозможно рассматривать в рамках неоосманистской доктрины и теплые турецко-пакистанские отношения, ведь территория Пакистана никогда не входила в состав Османской империи. Здесь, как и при многообразных контактах с Китаем, в ход уже идут рассуждения о евразийской сущности Турции. Очень активна Турция в странах Центральной и Южной Африки, также не подпадающих под узкие рамки неоосманизма, в связи с чем П.В. Шлыков отметил расширение турецкого евразийского дискурса до афро-евразийства [13, с. 72].

В арабском мире растущие геополитические амбиции Анкары и Катара вступили в противоречия с интересами Сирии, Саудовской Аравии, Египта и особенно с Объединёнными Арабскими Эмиратами. Очевидно, что и наличие этих соперников, а также сложные отношения с Израилем, Грецией и Ираном является фактором, сдерживающим рост неоосманистских претензий.

Довольно прохладно относятся к неоосманизму и в Косово, где в 2018 г. даже прошли протесты против строительства в Приштине мечети в османском стиле. Руководство самопровозглашённой республики также неизменно заявляет о своей ориентации исключительно на интеграцию с ЕС, что ревниво воспринимается в Анкаре. Непростые сложились у неё отношения и с другими балканскими государствами [21].

На наш взгляд, неоосманизм – лишь одна из составляющих множественной политической идентичности современной Турции и играет символическую роль, подчинённую сугубо практическим целям. В частности, он формирует тот самый «наднациональный дух», который облегчает решение внутренних и внешних задач политики страны. Несмотря на воинствующую риторику и союз с Партией национального движения, в политической программе правящей в стране ПСР не получили отражения лозунги о необходимости включения в состав Турции всех турок или тем более тюрок или бывших территорий Османской империи как таковых [1, с. 10].

У Турции сохраняются противоречия с Россией по вопросам Сирии, Ливии и Крыма. Однако турецкое руководство, несмотря на предыдущие заявления, согласилось на значительные уступки по Сирии и даже пошло на прямые переговоры с представителем официального Дамаска в рамках Астанинского формата [22]. Не может не способствовать развитию взаимной терпимости и сотрудничества та помощь, которую российские спасатели периодически оказывают охваченным пожарами турецким регионам. Как показывают наблюдения за турецкими социальными сетями, турецкое население очень тепло оценивает эту помощь.

Рассуждая о возможном дальнейшем развитии русско-турецких отношений, отметим, что Москва и Анкара имеют амбивалентные геополитические интересы и экономические связи, являясь одновременно и соперниками, и взаимовыгодными партнёрами. Взаимоотношения влиятельных государств не быва-

ют прямолинейными, но перспектива российско-турецкого сотрудничества сохранится. Турецкое руководство дорожит своим положением в НАТО, но при этом неоднократно доказало свою заинтересованность и в сохранении и развитии отношений с Россией. Это позволяет предполагать, что, несмотря на активное использование популистской риторики, в своей политической практике Турция продолжит руководствоваться исключительно методами *Realpolitik*, основанными на присущем ей геоэкономическом прагматизме и длительной традиции лавирования между различными центрами силы.

Обращение турецкого правительства к богатому османскому наследию естественно и оправданно. Также объяснимо и стремление использовать его как инструмент для цементирования турецкой политической идентичности в новых реалиях. Однако использование неоосманизма или другого идеологического конструкта как инструмента экспансии за рамки национальных границ может способствовать лишь дальнейшей дестабилизации и без того нестабильно-го Ближнего Востока.

Список литературы:

1. Osmanbaşıoğlu G.K. Ortadoğu'da barışı tesis etmede neo-osmanlılık bir seçenek olabilir mi? // Akademik Hassasiyetler Arşiv. 2018. Cilt 5, sayı 9. S. 1–15.
2. Davutoğlu A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin uluslararası konumu. İstanbul: Küre Yayınları. 2001. 584 s.
3. Эшба Э.Д. Есть ли будущее у неоосманского проекта Турции? // Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 2016. № 1 (15). С. 109–114.
4. Başkanlık da olabilir yeter ki balansı olsun [Internet] // Star. 2013. Vol. 3 Nisan. <https://www.star.com.tr/politika/baskanlik-da-olabilir-yeter-ki-balansi-olsun-haber-741693>.
5. Аватков В. Неоосманизм: базовая идеология и геостратегия Турции // Свободная мысль. 2014. № 3. С. 71–78.
6. Karpat K.H. Studies on ottoman social and political history: selected articles and essays. Leiden: Brill, 2002. 856 p.
7. Петросян Ю.А. Из Истории пропаганды доктрины османизма на Балканах (по материалам библиотек и архивов Сараева // Тюркологический сборник. 1973. Т. 1972. С. 142–149.
8. Erdem C.Y. Ottomentality: neoliberal governance of culture and neo-ottoman management of diversity // Turkish Studies. 2017. Vol. 18 (4). S. 710–728. DOI: 10.1080/14683849.2017.1354702.
9. Шаврина М.С. Айя-София в статусе мечети: международные оценки и перспективы функционирования // Ислам в общественно-политической жизни стран и народов. 2020. Т. 16, № 3. С. 177–188.
10. Trifkovic S. Turkey as a regional power: Neo-ottomanism in action // Politeia. 2011. Vol. 1, br. 2. S. 83–95. DOI: 10.5937/pol1102083T.
11. Йанлик Л. Кемализм: возникновение и типология // Свободная мысль. 2019. № 2 (1674). С. 121–140.
12. Глазунов О.Н., Давыдова Ю.А. Особенности и приоритеты внешней политики Турции в странах Ближнего Востока и Северной Африки // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 12 (89). С. 35–39. DOI: 10.24158/per.2020.12.4.
13. Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика. 2017. Т. 8, № 1. С. 58–76. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-58-76.
14. Шлыков П.В. Трансформация региональной политики Турции в условиях конкурентной полицентричности на Ближнем Востоке (2000–2010-е годы) // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2019. Т. 11, № 2. С. 65–106.
15. Ирхин А.А., Москаленко О.А. «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21, № 1. С. 91–107. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107.
16. Аватков В.А. Внешняя и внутренняя политика Турции: ключевые изменения 2020 года // Свободная мысль. 2021. № 1 (1685). С. 81–90.
17. Erandaç B. Katar'da 2. Türk Üssü'nü Kurduk [Internet] // <https://www.sde.org.tr/bulent-erandac/genel/katarda-2-turk-ussunu-kurduk-kose-yazisi-10952>.
18. Свистунова И.А. Развитие современных турецко-китайских отношений: перспективы и сложности сотрудничества // Восточная аналитика. 2020. № 4. С. 63–79. DOI: 10.31696/2227-5568-2020-04-063-079.
19. Erandaç B. Büyük Türkiye'nin, Jeopolitik ve Jeoeconomik Anahtarı: Kanal İstanbul [Internet] // <https://www.sde.org.tr/bulent-erandac/genel/buyuk-turkiyenin-jeopolitik-ve-jeoeconomik-anahtari-kanal-istanbul-kose-yazisi-22828>.
20. Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Турецко-катарский альянс в борьбе за региональное лидерство // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Социально-политическая и экономическая дестабилизация: анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте: ежегодник. Волгоград: Издательство «Учитель», 2018. С. 370–428.
21. Стоянович Т. Станет ли бывшая Югославия частью Великого Турана? [Электронный ресурс] // <https://regnum.ru/news/polit/3319670.html>.
22. Асылголу А. Турция впервые села за стол переговоров с администрацией Башара Асада [Электронный ресурс] // <https://regnum.ru/news/polit/3318797.html>.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
Товсултанов Рустам Алхазурович, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории; Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова (г. Грозный, Российская Федерация). E-mail: rustam-tovsultanov@mail.ru.	Tovsultanov Rustam Alkhazurovich, candidate of historical sciences, associate professor of Modern and Contemporary History Department; Kadyrov Chechen State University (Grozny, Russian Federation). E-mail: rustam-tovsultanov@mail.ru.

Товсултанова Малика Шариповна, преподаватель кафедры иностранных языков; Чеченский государственный педагогический университет (г. Грозный, Российская Федерация).
E-mail: 8979444@mail.ru.

Галимова Лилия Надиповна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин; Ульяновский институт гражданской авиации имени Главного маршала авиации Б.П. Бугаева (г. Ульяновск, Российская Федерация).
E-mail: galina_200475@mail.ru.

Tovsultanova Malika Sharipovna, lecturer of Foreign Languages Department; Chechen State Pedagogical University (Grozny, Russian Federation).
E-mail: 8979444@mail.ru.

Galimova Lilia Nadipovna, doctor of historical sciences, associate professor, professor of Humanities and Social-Economic Disciplines Department; Ulyanovsk Institute of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation B.P. Bugaev (Ulyanovsk, Russian Federation).
E-mail: galina_200475@mail.ru.

Для цитирования:

Товсултанов Р.А., Товсултанова М.Ш., Галимова Л.Н. Турецкая политическая доктрина «неоосманизма»: между символическим и реальным содержанием // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 4. С. 230–234. DOI: 10.17816/snv2021104216.